

**ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ КАРТИН МИРА МАОРИ
И ПАКЕХА В УСЛОВИЯХ БИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НОВОЗЕЛАНДСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Настоящая статья посвящена проблеме взаимовлияния концептуальных картин мира коренного населения Новой Зеландии (маори) и европейских переселенцев (пакеха). Ежедневные контакты между маори и пакеха в условиях относительной географической изоляции от остального мира привели к тому, что концепты, ранее присущие только одному из сообществ, обрели свою нишу и в сознании другого, постепенно став достоянием всей нации. Следует отметить, однако, что восприятие чужого концепта всегда происходит сообразно уже сложившейся у каждого данного этноса системы мировидения, и поэтому зачастую концепт встраивается в чуждую для него концептуальную картину мира уже в значительно измененном виде.

The paper focuses on the problem of mutual conceptual exchange between the Maori and Pakeha world views in the bicultural environment of New Zealand. Concepts once being typical only of Maori culture gradually reached the entire New Zealand society. These shared concepts develop vivid conceptual metaphors which are noticeable in different spheres of life. It is noteworthy though that Maori concepts when adopted by Pakeha very often undergo transformations and changes due to the impact of the whole set of European standards and viewpoints.

Концептуальная картина мира каждого этноса как система мнений, представлений, знаний о мире закрепляет познавательный опыт человеческого коллектива, сформировавшийся в условиях определенной географической и социокультурной среды. При непосредственном и тесном взаимодействии двух и более этносов в течение длительного времени неизбежным становится процесс взаимовлияния их концептуальных картин мира. Сказанное в значительной степени характерно для сравнительно молодой культуры Новой Зеландии, которая в основном сложилась в результате столкновения двух систем миропонимания: той, что была завезена сюда европейскими переселенцами (пакеха), и той, которая была свойственна коренному населению (маори). Культурные традиции маори и пакеха и по сей день идентифицируются в этой стране как самостоятельные и доминирующие, что и обуславливает ее бикультурный характер [King, 2003. P. 515].

Вся история Новой Зеландии как бикультурного общества весьма компактно укладывается в период немногим более двух столетий. За это время ежедневные контакты между маори и пакеха в условиях относительной географической изоляции от остального мира обогатили их концептуальные картины мира множеством концептов,

которыми «поделились» друг с другом новые соседи. Каждое из контактирующих сообществ предложило другому свое видение окружающей действительности и свою философию жизни. В результате со временем концепты, ранее присущие только одному из сообществ, обретали свою нишу и в сознании другого, постепенно став достоянием всей нации.

Было бы большим упрощением, однако, думать, что концепты механически переносились из одной концептуальной картины мира в другую в неизменном виде. Представления одного этноса о мире и о себе часто получают совсем иную интерпретацию в умах другого. Это связано с тем, что восприятие чужого концепта всегда происходит сообразно уже сложившейся у каждого данного этноса системы мировидения, и поэтому зачастую концепт встраивается в чуждую для него концептуальную картину мира уже в значительно измененном виде. С другой стороны, изменения неизбежно возникают и тогда, когда усвоение нового концепта сопровождается реальной возможностью непосредственного наблюдения самого явления действительности. Поскольку представители таких разных культурных сообществ, как маори и пакеха, воспринимали увиденное по-разному, вполне естественным

венно, это всякий раз приводило к модификации чужого концепта.

Весьма показательным в этом отношении является пример с концептом *корабль*. Когда корабль Джеймса Кука впервые зашел в бухту у берегов Новой Зеландии (1769 г.), у маори, никогда не видевших больших кораблей, возникли на основе увиденного образы *плавучего острова* или *гигантской птицы*. Оба концепта развились на базе весьма знакомых маори представлений об острове и птице и в таком своеобразном виде закрепились в их мифологии. Полученные таким способом концепты вполне укладывались в близкий им тогда образ мира [King, 2003. P. 103]. Таким образом, концептуальная картина мира маори получила лишь локальное расширение, которое, впрочем, не затрагивало всей системы и на этом этапе никак не угрожало ей принципиальной перестройкой.

Вышеизложенные рассуждения служат подтверждением того, что новые концепты, являющиеся результатом взаимовлияния концептуальных картин мира взаимодействующих сообществ, не переносятся механически и не являются зеркальным отражением своих прототипов. Смеем предположить, что самые первые концепты, которые маори и пакеха позаимствовали друг у друга, подвергались весьма значительным изменениям под давлением всей системы уже имеющихся знаний у каждого из названных культурных сообществ. Эти концепты в основном обладали способностью аккумулироваться и лишь слегка и локально корректировать эту систему. Однако длительный период контактов способствовал тому, что количество перерастало в качество. Постепенно концептуальные картины мира соседствующих сообществ не просто расширяются за счет новых концептов, но и сближаются до определенной степени, т. е. изменяются качественно, обрастая обновленной системой отношений и подталкивая к обновлению то, что существовало в сознании ранее. Так, под влиянием европейской системы миропонимания маорийские концепты *плавучего острова* и *гигантской птицы* переродились в современное представление о *корабле*, изменив и категорию, и ярлык. Иначе говоря, с течением времени концептуальные картины мира настраиваются на новые внешние условия, совершенствуются таким образом, чтобы эффективно отвечать запросам даль-

нейшей познавательной деятельности всего сообщества в новой бикультурной среде.

Взаимовлияние концептуальных картин мира маори и пакеха – процесс двусторонний, однако ограниченный объем данной статьи не позволяет нам подробно остановиться на том, как изменилась концептуальная картина мира коренного населения под влиянием европейской культуры, и какими концептами «поделились» с маори европейцы. Можем подчеркнуть только, что в силу существенного численного превосходства европейцев и диктуемой ими политической ситуации таких концептов было весьма значительное количество, что привело к радикальной перестройке всей системы представлений в сознании современных маори.

Большая же часть данной работы подчинена цели определить степень влияния системы миропонимания коренного населения на концептуальную картину мира европейцев, живущих в Новой Зеландии, проследить, какие концепты, существовавшие ранее лишь в сознании маори, и почему оказались значимыми и для европейцев, несмотря на доминантное положение их культуры в этой стране в течение длительного времени.

Наиболее эффективным способом анализа концептов и концептуальных картин мира является исследование их языковых репрезентаций. Язык, как известно, обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию. С другой стороны, язык фиксирует наиболее важные результаты познавательной деятельности человека. С этой точки зрения, считаем, что исследование лексического состава новозеландского варианта английского языка, а именно вошедших в него слов маорийского происхождения, поможет выявить основные особенности вербализованных ими концептов маорийской культуры, проникших в сознание европейцев. Все ли они одинаково значимы и широко известны европейскому населению Новой Зеландии?

Выскажем предположение, что наиболее существенные концепты, знакомые большинству представителей всего новозеландского общества (маори и пакеха), те, которые способны стать базой для дальнейшего познания действительности. Это те концепты, чьи имена не просто вошли в новозеландский вариант английского языка, но и оказались способны к вторичной номинации, полисемии и обладают высокими фразообразующими потенциями. Соответственно концепты, вербализованные этими име-

нами, обрели «вторую жизнь». Они настолько знакомы и известны, что служат основой для дальнейшего постижения мира незнакомого и неизвестного. Весьма интересным представляется проследить, какие концепты, ранее присущие только маори, прошли испытание временем, не только выжили, но и возродились в условиях европеизации всей культуры маори, обрели «второе дыхание» и способность к развитию. Одним из доказательств живучести и значимости таких концептов является сохранение прежнего имени, т. е. слова маорийского происхождения.

Избирая отправной точкой настоящего исследования изучение данных языка, подвергнем анализу входящие в новозеландский вариант английского языка метафоры, созданные на базе маорийских слов, и устойчивые сочетания, имеющие в своем составе маорийские заимствования (также, часто, подвергшиеся метафоризации). На основе анализа семантики этих слов и выражений представляется возможным выявить и рассмотреть наиболее важные концепты маори, нашедшие свою нишу в сознании европейской части населения и, таким образом, свойственные на современном этапе развития новозеландской культуре в целом. Для исследования было отобрано 182 единицы (метафоры и устойчивые сочетания) из следующих словарей: *The Reed Dictionary of New Zealand English [NZED]*, *The Reed Dictionary of New Zealand Slang [NZS]*, Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь [АНЗ]. Для выполнения концептуального анализа привлекались также словари языка и культуры маори: *Reed A. W. Taonga Tuku Iho: Illustrated Encyclopedia of Traditional Maori Life [EMC]* и *The Reed Essential Maori Dictionary [EMD]*.

Наиболее важным концептом, рано сформировавшимся в сознании европейцев, переселившихся в Новую Зеландию, несомненно, является концепт MAORI. Не случайно, слово *Maori* обладает самой высокой способностью к фразообразованию из всех заимствований из языка маори в новозеландском варианте английского языка. Нами выделено и проанализировано около шести-десяти устойчивых сочетаний с этим словом. Нельзя не учесть тот факт, что далеко не всякое, даже исконное, слово способно участвовать в образовании такого количества устойчивых выражений. Таким образом,

можно предположить, что данным концептом выражен и закреплен один из доминирующих образов в концептуальной картине мира всего новозеландского общества. И если в словарях языка и культуры маори отражено то, как коренное население Новой Зеландии видело и представляло самое себя, то в словаре новозеландского варианта английского языка можно обнаружить тот образ, который сложился у европейцев в отношении коренного населения. Сравнение позволит увидеть различия.

Итак, по данным современных переводных и энциклопедических словарей маори, существительное *Maori* со значением «indigenous people of Aotearoa / New Zealand» [EMD] произошло от одноименного имени прилагательного, означающего «clear, normal, ordinary» [EMD], «normal, usual, or ordinary» [EMC]. Именно это значение является первичным, и именно так представляли себя маори в общении с первыми европейскими переселенцами. По сравнению с необычными, на их взгляд, белыми европейцами, они видели себя нормальными и вполне обычными. До контакта с европейцами у коренного населения Новой Зеландии не было специального объединяющего разные племена названия. Оно им было и не нужно: согласно их представлениям, они и только они населяли весь мир [McLauchlan, 2004. P. 45].

Усвоение европейцами одноименного концепта MAORI произошло не сразу, а спустя несколько десятилетий после открытия Новой Зеландии Джеймсом Куком. Был ли тот концепт тождественным своему прототипу, т. е. тому, что сами маори знали и думали о самих себе? Частично, да: недаром европейцы приняли в конце концов имя *Maori*, которое коренное население так настойчиво употребляло в отношении самих себя в течение нескольких десятков лет. Заметим, что первоначально европейцы использовали имя *Natives* и *New Zealanders*. Этот простой сам по себе факт говорит о том, что европейцы не могли не считаться с мнением самих маори о самих себе. Однако, усваивая концепт MAORI, европейцы исходили также и из своих собственных соображений: им, прежде всего, важно было то, что маори были исконным населением этой страны, полинезийским по происхождению [McArthur, 2003. P. 392]. Так, в словаре новозеландского варианта английского языка это существительное имеет следующее опре-

деление: «the Polynesian race that first peopled New Zealand» [NZED]. Позже от него образовалось имя прилагательное, которым и стало определяться все, что относилось к коренному населению и его традициям, например *Maori oven* (маорийская земляная печь). Это же слово стало необходимым и для обозначения привезенных с собой из Полинезии сельскохозяйственных культур и домашних животных коренного населения: *Maori hen*, *Maori dog*, *Maori potato*.

Анализ данных сочетаний привел к размышлениям о том, что, добавляя слово *Maori* к знакомым *hen*, *dog*, *potato*, *oven* и др., европейцы старались подчеркнуть необычность и экзотичность увиденного, лишь слегка напоминающего знакомое. В этом состоит и символика, и парадокс. Парадокс заключается в том, что в языке маори слово *taori* имеет, как уже было сказано, прямо противоположное значение: «обычный, нормальный». Таким образом, тот признак, из которого первоначально исходили сами маори, в сознании европейцев был переименован с точностью до наоборот. Символическим же это можно назвать потому, что зачастую именно такова была обобщенная формула взаимовлияния концептуальных картин мира маори и пакеха: то, что одни из них воспринимали как нормальное, другие сквозь призму своего миропонимания считали необычным и даже экзотичным.

Многие названия специфических новозеландских диких растений и животных также определялись этим словом, которое стало, таким образом, еще и символом всего коренного и исконно новозеландского с тем же подтекстом необычного: *Maori mint*, *Maori jasmine*, *Maori mistletoe*, *Maori onion*, *Maori crow*.

Таким образом, исследование словарных дефиниций приведенных устойчивых сочетаний позволило выделить следующие обобщающие признаки в составе свойственного европейцам концепта MAORI: **необычность** и **экзотичность**, поскольку само коренное население и его культурные традиции воспринимались европейцами именно так, а также **исконность**, что, с точки зрения пакеха, характеризовало и население, и природу (флору, фауну и ландшафт), которую они увидели в Новой Зеландии. Мы склонны считать эти признаки особыми доминантными константами: они определяют усвоение европейцами не только этого кон-

цепта, но и многих других концептов маорийской культуры.

Заметим, что понятие *доминантной константы* в настоящей работе призвано подчеркнуть постоянство, главенство и глубокий характер некоторых признаков, присущих сознанию европейцев в отношении маори. При этом данное понятие никак не соотносится с уже существующими в лингвистической литературе терминами *константа* и *культурная константа*.

Дальнейшее развитие концепта MAORI в сознании европейцев происходило на фоне многочисленных культурных (порой очень жестоких) столкновений между маори и пакеха. Ранние описания историков и очевидцев свидетельствовали о позитивном образе маори в сознании европейцев, которые оценили их ум, любознательность, юмор, дерзость и практическое отношение к жизни: «...they couldn't help admiring especially the cheek of the Maori, their courage, curiosity, intelligence, humour, and their tough, practical approach to life...» [McLauchlan, 2004. P. 44]. Позже первоначальное содержание концепта было осложнено такими ассоциациями, как грубость, неотесанность, неточность, низкопробность, плохое выполнение [АНЗ], праздное времяпрепровождение: *Maori* – «dismissive adjective in non-Maori use for anything perceived as below strength or poorly performed» [NZS], «use can be derogatory or stereotypical» [NZED]. Таким образом, произошло снижение образа, что повлекло за собой формирование как следующих, так и многих других идиом: *Maori screwdriver* – «hammering the screw in with a hammer», *Maori sidestep* – «barging straight into somebody», *Maori time* – «easygoing, unconcerned about time», *Maori holyday* – «the day following payday» [NZS]; *Maori mile* – «an undetermined distance, similar to an Irish mile», *Maori cannon* – «a blunder at billiards» [NZED]. Как видно, с точки зрения европейцев, маори не были способны ценить время, пространство, точность, зато были склонны к безделью и праздности. Данные идиомы обладают отрицательной коннотацией, свидетельствующей о негативных и даже явно оскорбительных ассоциациях, связанных с образом маори. Эти ассоциации модифицировали ранее присущий признак «необычность», снабдили его негативной оценкой, превратив в «нарушение нормы». Общий принцип **сниженности** и презрительного отношения, представляет собой, на наш взгляд, еще од-

ну из доминантных констант, присущих обыденному сознанию пакеха относительно маори. Он так же, как и две других, выделенных ранее, константы (**необычность / экзотичность** и **исконность**), не мог не отразиться на восприятии европейцами и других концептов маорийской культуры, что подтверждается в процессе дальнейшего исследования языкового материала.

Таким образом, концепт MAORI был интериоризирован европейцами и встроен в их концептуальную картину мира с учетом всей системы миропонимания, сложившейся к этому времени в их сознании, а затем развит в условиях меняющейся действительности, вследствие чего он значительно отличается от своего прототипа, существующего в концептуальной картине мира маори.

Многие маорийские заимствования в новозеландском варианте английского языка относятся к семантической сфере традиций. Культура коренного населения Новой Зеландии чрезвычайно богата самобытными традициями. Концепты, их отражающие, содержат исторически сложившиеся знания и представления маори о мире, о самих себе в этом мире и неизменно отличаются яркостью и образностью ассоциаций. Какие же из них и в каком облике закрепились в сознании европейцев? Так, небезынтересно проследить развитие концепта НАКА (обрядовый танец хака), с которым связано представление о церемониальном мужском, первоначально военном, танце, сопровождающемся речетативом [АНЗ]. Стоит отметить разницу между определениями, данными слову *haka* в словаре современного языка маори – «war-like chant with actions» [EMD], и в словаре новозеландского варианта английского языка – «a dance accompanied by a chant often used as a challenge to strangers» [NZED]. На основе данных определений представляется возможным сделать вывод относительно тех отличий, которые сопровождали усвоение данного концепта европейцами по сравнению с прототипом. Так, был утерян концептуальный признак *war likeness* (воинственность), взамен которого обретен более мягкий признак *challenge* (вызов). Кроме того, маори не воспринимали (и не воспринимают?) это как танец, тогда как в европейском сознании этот признак является основным. Таким образом, европейцы заимствовали данный концепт, приблизив его к своей собственной картине мира, в которой ранее не было ни места, ни

ярлыка для подобного действия. И действительно, хака, который исполнялся перед сражением для поднятия боевого духа и символического устрашения врага, был мало похож на танец. Выражение лица и глаз участников этого действия было ужасающе свирепым, и это впечатление дополнялось быстрым движением вытянутого вперед языка, устрашающими жестами и возгласами. В заключение один из воинов бросал в сторону неприятеля копье.

Даже сегодня хака щекочет нервы зрителей во время посещения традиционного представления в маорийском доме собраний (*marae*). Вот как описывал это один из наблюдателей: «It was conducted with so much fury... that at length I became quite horrified...» [EMC]. Все, кто принимал участие в хака, должны были выполнить его безукоризненно, любая ошибка означала поражение в предстоящем сражении. Очевидно, сами европейцы, понимая, что категория танца здесь не вполне уместна, и не найдя другой более подходящей категории, предпочли усвоить этот концепт вместе с ярлыком из языка маори – *haka*. Само же усвоение такого своеобразного концепта тем не менее, видимо, было необходимо: настолько ярко он передавал особенности всей самобытной культуры маори. Этот концепт отражает целый комплекс ассоциаций, связанных с маори-воином, среди которых физическая ловкость, неустрашимая воля, вызов, граничащий с агрессивностью, кураж и проявление неподдельного интереса к незнакомому и незнакомцам.

О значимости свидетельствует и дальнейшее развитие этого концепта в качестве концептуальной метафоры. Так, яркий концептуальный признак *challenge to stranger* (вызов, брошенный чужаку) послужил основой для формирования нового признака *sports challenge*. В результате хака стал ассоциироваться с церемониальным построением, принятым среди спортивных команд (например, в школе) перед соревнованием, как утверждение своей силы (духовной и физической): «a chanted challenge offered by some sports teams at the beginning of a contest» [NZED]. Другой концептуальный признак – *pleasure, enjoyment before a battle* (кураж перед сражением), способствовал переносу ассоциаций в сферу веселья, удовольствия. Так, *dance a haka* означает возникшее в XIX в. выражение «демонстрировать веселье» [АНЗ], «an expression of pleas-

ure» [NZS], окрашивая, таким образом, концепт PLEASURE в новозеландской культуре в национально-специфические тона.

Подтверждением известности и узнаваемости концепта НАКА является и наличие идиоматических выражений в новозеландском сленге, которые сложились с использованием данного образа. В этом случае осуществляется перенос такого признака, как *demonstrative threat* (показное устрашение, демонстративность). Так, *bare-bottom haka* предполагает демонстрацию соответствующей части тела для устрашения, внесения смуты, неловкости, поражения. *The Australian haka* – выражение, возникшее в девяностых годах прошлого столетия и популяризированное в телерекламе, связано с демонстрацией фальшивого куража, показной попытки уйти после пьяной вечеринки, не расплатившись.

Анализ языковых данных свидетельствует о том, что с концептом НАКА часто ассоциируется смута, суета и нервозность (*fuss*): «That toddler does a haka every time you put him to bed» [NZS]. Таким образом, в ряде случаев концептуальные признаки прототипического концепта НАКА подвержены гиперболизации и снижению. Заметим, что это происходит, прежде всего, в сознании европейцев и иницируется ими в связи с господствовавшим в их системе представлений сниженным образом маори, о котором было сказано выше. Так, вся концептуальная картина мира европейцев, в которой сниженный образ маори являлся и остается доминантной константой, оказывает влияние на усвоение и развитие европейцами этого и многих других концептов, которые возникли в результате взаимовлияния концептуальных систем маори и пакеха.

Еще одним существенным выводом следует признать, что НАКА продолжает быть популярным средством концептуализации действительности и в современный период. Связанные с этим явлением представления и ассоциации до сих пор порождают новые колоритные образы. В этом мы видим реализацию другой доминантной константы экзотичности и необычности.

Важной церемонией, свойственной культуре маори, являлся погребальный обряд *tangi*. После смерти тело одевали и закрепляли в сидячей позиции. Женщины рассекали себе конечности, а иногда и лицо острыми кусками вулканического стекла, близкие родственники отрезали свои волосы, вдова

надевала венки и амулет из водорослей, перьев или растений. Родственники оставались рядом с телом, оплакивая усопшего и воздерживаясь от пищи. Прощальные речи были адресованы ранее умершим, чтобы они проводили покойного в подземный мир [EMC, 50–51]. Вплоть до конца XIX в. церемония прощания могла длиться в течение нескольких недель, а иногда и месяцев, если усопший был важным лицом. Однако в XX в. в соответствии с новыми санитарными нормами она была сокращена до одной недели [King, 2003. P. 255].

В словаре языка маори *tangi* определяется как «cry, weep, lamentation, mourn, grieve, funeral» [EMD]. Словарь новозеландского варианта английского языка дает следующую дефиницию: «a mourning ceremony; lament. It is commonly perceived as the feast associated with the ceremony» [NZED]. Расхождения, как можно заметить из данных выше определений, разительные. В определении маори скорбь и печаль стоит за каждым словом дефиниции. Европейцы же обрели свое видение этого обряда, на основе которого сложился концепт, лишь отчасти сходный со своим прототипом. В обыденном сознании европейцев данный концепт зачастую фигурирует как шумные и пьяные поминки перед погребением: «wake as a boozy party» [NZS].

Дальнейшее развитие усвоенного в таком облике концепта привело к переносу некоторых концептуальных признаков в другие сферы. Концепт TANGI стал средством метафорического осмысления действительности. С ним стали ассоциироваться шум, скандал, ссора и спор, шумные и необузданные вечеринки: «dispute or wild party» [NZS]. О таком развитии концепта TANGI свидетельствуют и следующие идиоматические выражения: *on the tangi*, где *tangi* – шумное празднество, веселье, и *hold a tangi*, где *tangi* – проблемы, споры. Выше уже говорилось о том, что общее снижение образа маори доминирует в процессе восприятия европейцами маорийской культуры и образа жизни. Именно это и определило основное направление развития концептуальной метафоры в данном случае, как и в предыдущем.

Важной составляющей маорийской культуры является встреча племен для совместного обсуждения наболевших проблем и для общения [АНЗ] – *hui*. Встреча обычно происходит в маорийском доме собраний (*marae*),

который и в настоящее время является символом всей культурной жизни коренного населения. Поскольку свойственный маори ранее способ разрешения конфликтов при помощи военных действий в XX в. стал невозможен, собрания явились важнейшим средством урегулирования споров [King, 2003. P. 243], а также способом консолидации племен, средством сохранения их самобытной культуры, символом самоидентификации.

Встреча племен – это и неотъемлемая часть жизни коренного населения, и одновременно важное событие, которому маори придают большое значение. Маори соревнуются друг с другом, демонстрируя чудеса памяти и ораторского искусства, декламируя на память произведения устного народного творчества и длинные родословные своих племен начиная с самых первых ступивших на эту землю предков. Встречи воспринимаются как праздник и сопровождаются угощением. Чем представительнее встреча и щедрее угощение, тем больший престиж и достоинство (*mana*) ассоциируется с племенем принимающей стороны. По полинезийским традициям, престиж племени измерялся количеством того, что было отдано, а не того, что было накоплено [King, 2003. P. 243].

Словарь языка маори определяет слово *hui* следующим образом: «meeting, gathering, assembly» [EMD]. Энциклопедия маорийской культуры подтверждает это определение: «meeting, assembly or gathering of people from far and near» [EMC]. Как видно, словарные определения достаточно лаконичны. Однако за этой лаконичностью, надо полагать, скрывается уверенность в том, что такие собрания привычны и проходят по известному всем сценарию, вследствие чего нет необходимости давать развернутое определение.

Несколько иначе трактует это слово словарь новозеландского варианта английского языка: «a Maori meeting or social occasion» [NZED]. Здесь подчеркнута принадлежность данного явления к культуре маори – *Maori meeting*, что, как и прежде, сопровождается влиянием доминантной константы экзотичности и необычности со всеми присущими ей ассоциациями. Для европейцев *hui* – не всякое собрание, а особое и даже экзотическое собрание по протоколу маори. Кроме того, в последнем определении отмечен признак *social occasion*, что отражает суще-

ственное для европейцев (но столь естественное и не требующее лишних слов для маори) дополнение, связанное, прежде всего, с праздником, общением и неизменно, а порой даже и чересчур щедрым угощением приехавших гостей.

Дело в том, что обильное угощение гостей стало характерной чертой всей истории и культуры маори. Коренное население Новой Зеландии часто переживало периоды полуголодного существования, поэтому, когда пищи было много, маори использовали каждую возможность, чтобы устроить праздник и пир. В этот период потреблялось необыкновенно большое количество продуктов, после чего часто снова наступали тяжелые времена [EMC, 62].

В результате развития концепта HUI в условиях бикультурной среды концептуальный признак *social occasion* (праздничное мероприятие с общением и обильным угощением) стал основой для концептуальной метафоры. Вторым (производным) значением имени этого концепта в словаре новозеландского варианта английского языка дано «(informal) party» [NZED]. Таким образом, в обыденном сознании пакеха этот концепт ассоциируется, прежде всего, с вечеринками, пустыми разговорами и праздным времяпрепровождением, что и подтверждают следующие устойчивые сочетания: *hui-hopper* – «someone who spends all his / her time going to meetings», и *too much hui and not enough doey* – «more talk than action» [NZS]. В последнем выражении неотъемлемый концептуальный признак *oratory* (произнесение речей) в составе концепта HUI низводится до признака *idle talk* (пустая болтовня). Данная метафора и приведенные устойчивые сочетания отражают другую доминантную константу – сниженности образа маори в глазах европейцев, многие из которых считают, что маори подвержены праздности и безделью.

Другая часть отобранных для анализа идиом и метафор отражает представления европейцев о некоторых маорийских символах (амулетах и оберегах). Символы, присущие коренному населению Новой Зеландии, напрямую ассоциируются с его культурой. Знание о символах совмещает разные типы представлений, при этом не последнюю роль играет визуальное: форма, цвет, размер, материал. Так, одной из самых ценных вещей маори считают священный амулет *tiki*, символизирующий плодородие. Сам

персонаж *Tiki* ассоциируется с первым мужчиной, первым человеком, по другим теориям, с богом [EMC, 181]. Амулет представляет собой, согласно некоторым описаниям, маленькую фигурку с поджатыми ножками и склоненной головкой, похожую на эмбрион. Однако другие современные теории отвергают эту схожесть, но подчеркивают важность прямоугольной формы, характерной для маорийского орнамента. Амулет носят на шее и часто называют также *heitiki*, где *hei* – «neck ornament» [EMC, 182]. Он изготавливается в основном из нефрита, иногда из дерева, но самые ранние и теперь редкие экземпляры были сделаны из кости [EMC, 181–182]. Этот символ передается из поколения в поколение. Некоторые племена хранят амулеты, доставшиеся им от самых первых предков.

Для анализа развития концепта TIKI в сознании пакеха обратимся к данным языка. Так, словарь новозеландского варианта английского языка дает следующее определение слову *tiki* – «a flat carving, often in greenstone, of a grotesque figure representing the first man» [NZED]. Как видно, образ мифологического предка маори передан при помощи прилагательного *grotesque* со значением «odd or unnatural in shape, appearance» [NZED]. Такое определение отражает влияние выделенной нами ранее доминантной константы экзотичности и необычности, присущей восприятию европейцами концептов маорийской культуры.

В дальнейшем концепт TIKI попал в сферу действия доминантной константы сниженности образа маори в сознании европейцев. Это подтверждается наличием в новозеландском варианте английского языка устойчивого сочетания *plastic tiki culture* со значением «the trivializing of Maori culture by sales of cheap plastic Maori artifacts» [NZS]. Концепт TIKI стал в глазах европейцев способом метафорически сниженной репрезентации всей культуры маори в целом. При таком усвоении концепта был утерял признак *sacred possession* (сакральности), а сам концепт стал ассоциироваться с дешевой пластмассовой имитацией некогда священного амулета.

Другое направление развития концепта TIKI осложнено многочисленными новыми связями и отношениями, возникшими в свое время в концептуальной картине мира пакеха между этим и другими концептами. Дело в том, что слово *tiki* сегодня является еще и

сокращенной формой от *Contiki* и входит в обозначение торговой марки *tiki tour* туристической компании «Contiki tourist operators».

Интересно проследить происхождение слова *Contiki*. Известно, что оно восходит к *Kon-Tiki* – названию плота, который построил норвежский антрополог Тур Хейердал, чтобы проплыть на нем из Перу к архипелагу Туамоту (Полинезия). Хейердал выдвинул теорию о происхождении полинезийцев (а значит, и маори) из Южной Америки, именно поэтому он совершил свое путешествие по предполагаемому маршруту предков полинезийцев и на свойственном им средстве передвижения. Позже по следам своего путешествия Хейердал издал книгу «The Kon-Tiki expedition», которая стала бестселлером [McLauchlan, 2004. P. 24].

Наши предположения таковы, что слово, которое он избрал для названия плота, скорее всего, является гибридом и состоит из латинского *con* – «together, with» и восточно-полинезийского мифологического *tiki* – «the first man» [EMC]. Общее значение фразы глубоко символично – «together with the first man» (вместе с первым человеком). Так, вероятно, Хейердал пытался выразить основную идею экспедиции: это было путешествие, совершенное как бы вместе с первыми предками полинезийцев, т. е. *con tiki*.

Таким образом, название торговой марки *tiki tour* опосредованно (через стадию *Contiki*) восходит к тому самому слову *tiki* со значением «мифологический предок и священный амулет с его изображением». Представленные языковые явления находят объяснение, если обратиться к концептуальному уровню сознания. Считаем, что новый концепт, вербализованный сочетанием *tiki tour*, возник далеко не случайно. Дело в том, что с представлением о предках полинезийцев (и конечно, маори) неразрывно связан образ путешественника-мореплавателя. Эти люди были великими навигаторами, которые впервые открыли и заселили многочисленные острова в Тихом океане и в том числе Новую Зеландию. Даже сегодня не удается разгадать, как они могли совершать такие опасные и дальние океанские путешествия на каноэ и возвращаться [King, 2003. P. 34]. Таким образом, концептуальный признак *traveller, navigator* (путешественник-мореплаватель) является важной особенностью представления о далеких предках, прежде всего, в сознании самих маори. Вероятно,

этот признак настолько очевиден и неоспорим, что имплицитно присутствует в составе образа маори и их полинезийских предков и в сознании пакеха.

Абсолютизация признака *traveller, navigator*, осложненная ассоциациями об экспедиции и книге Хейердала, послужила основой для переноса представлений в сферу путешествия (*tour*). Сам концепт *TOUR* в культуре Новой Зеландии оказался окрашенным в национально-специфичные тона благодаря взаимовлиянию концептуальных картин мира маори и пакеха.

На этом, однако, развитие маорийского концепта *TIKI* в условиях бикультурной среды не закончилось. Факты новозеландского варианта английского языка свидетельствуют о том, что устойчивое сочетание *tiki tour* обрело ряд дополнительных значений. Так, в настоящее время это выражение обозначает и «короткий тур по осмотру достопримечательностей» – «an informal sight-seeing tour» [NZED], и «вождение машины без прав» – «unlicensed driving» [NZS], и глагол «осмотреться вокруг» – «to look around» [NZS]. Таким образом, этот концепт благодаря своей образности, уникальности и узнаваемости стал способом дальнейшего познания окружающей действительности в рамках всего новозеландского культурного сообщества.

Заслуживает внимания, однако, тот факт, что, несмотря на опосредованность ассоциаций с маорийской культурой (т. е. через стадию *Contiki*), все приведенные значения отмечены признаками, как-то: нарушение нормы, нестандартность, неофициальность. Таким образом, на наш взгляд, проявляет себя доминантная константа сниженности, присущая восприятию пакеха явлений культуры коренного населения.

Одним из существенных концептов маорийской культуры, тесно связанным с образом маори-мореплавателя, является представление о лодке-каное *waka*. Напомним, что каное для них и их предков были важнейшим средством передвижения и постижения окружающего пространства. Значимость этого концепта для самих маори трудно переоценить. Дальнейшее его развитие в маорийской культуре привело к тому, что новые средства передвижения: машины, коляски, краны, подводные лодки, самолеты, такси – все это постигалось маори посредством этого известного и близкого им концепта. Так, обозначения любых движущихся средств в языке маори содержат элемент *waka*: *waka tuarangi* – «spacecraft, rocket», *waka turoro* – «ambulance» [EMD] и др. Это служит весьма убедительным доказательством того, что с каное в культуре маори связаны самые прочные, яркие и образные ассоциации, позволившие этому концепту стать способом познания новой меняющейся действительности, призмой, сквозь которую маори видят другие поначалу не очень знакомые им явления.

Интересным фактом, однако, является то, что каное имеет самое непосредственное отношение и к общественно-политическому устройству, которое было свойственно маори еще задолго до контакта с европейцами. Речь идет о самом начале переселения полинезийцев в Новую Зеландию. Те, кто прибыл на новую землю в одном каное, образовывали свое племя или группу близкородственных племен. В период войн близкородственные племена заключали между собой союзы, что имело большое политическое значение [EMC]. Важно, что все представители этой группы племен ведут свою родословную от экипажа одного из первых каное, которые прибыли в Новую Зеландию [АНЗ, 195]. Полагают, что таких каное было восемь-десять. Маори и сейчас придают огромное значение своей родословной и знают, от какого каное ведет начало его род. Родословная декламируется во время встреч племен и на праздниках. Таким образом, *waka* ассоциировалось не только со средством передвижения, но и с родословной племени, которая считалась священной.

В условиях бикультурной среды концепт *WAKA* получил дальнейшее развитие. Связанные с ним ассоциации были перенесены в сферу современного политического устройства страны, на основании чего возникла концептуальная метафора *waka-jumper*. В этом случае метафорическому развитию подвергся концептуальный признак *loyalty to tribe* (священное отношение к предкам, своему племени, своей родословной). В результате он превратился в признак *allegiance to political party* (приверженность идеям своей политической партии). Человека, быстро меняющего свои политические убеждения, стали называть *waka-jumper*. Устойчивое сочетание *waka-jumper* зафиксировано в 2001 г. и означает «leaving with to join another» [NZS]. На его основе возникло и другое выражение – *waka-jumping legislation*, еще раз

закрепив собой новую концептуальную метафору. Позже концепт WAKA-JUMPER проник и в обыденное сознание новозеландцев, обретя более общий признак *changing allegiance* – изменение убеждений не только политических, но и любых других. Таким образом, яркие ассоциации, присущие маорийскому концепту WAKA, до сих пор порождают концептуальные метафоры уже в условиях бикультурной среды. В этом мы видим проявление доминантной константы экзотичности, необычности.

Подводя итоги, подчеркнем некоторые наиболее существенные, на наш взгляд, положения. Так, в результате столкновения в Новой Зеландии двух систем миропонимания маори и пакеха взаимовлияние концептуальных картин мира этих культурных сообществ было неизбежно.

Концепты, являющиеся результатом взаимовлияния концептуальных картин мира взаимодействующих сообществ, не переносятся механически и не являются зеркальным отражением своих прототипов.

Восприятие чужого концепта всегда происходит сообразно уже сложившейся у данного этноса системы мировидения, и поэтому зачастую маорийский концепт встраивался в чуждую для него концептуальную картину мира пакеха уже в значительно измененном виде.

Усвоение европейцами концептов маорийской культуры сопровождается влиянием трех основных доминантных констант – экзотичности и необычности, исконности, сниженности.

Длительный период контактов способствует тому, что концептуальные картины мира соседствующих этносов сближаются до определенной степени, чтобы эффективно отвечать запросам дальнейшей познавательной деятельности всего сообщества в новой бикультурной среде.

Многие концепты маорийской культуры и сейчас продолжают быть способом концептуализации окружающей действительности, но уже в рамках бикультурного общества, во многом благодаря своей яркой образности и узнаваемости.

Процесс сложения концептуальных метафор на основе исследованных нами маорийских концептов, сводится к следующим трансформациям концептуальных признаков:

1) признак *challenge to stranger* в составе концепта НАКА был перенесен в область

спорта и трансформирован в признак *sport challenge*;

2) признак *pleasure, enjoyment before a battle* в составе концепта НАКА был перенесен в область веселья, удовольствия, потеряв оттенок воинственности (*dance a haka*);

3) признак *demonstrative threat* в составе концепта НАКА также потерял оттенок воинственности и обрел окрас ироничности, приблизившись к признаку *fuss* (*the Australian haka, bare-bottom haka*);

4) признак *wake* в составе концепта TANGI подвергнут гиперболизации и снижению до признака *feast, boozy party* (*on the tangi*);

5) признак *social occasion* в составе концепта HUI снижен до признака *party* (*hui-hopper*);

6) признак *oratory* в составе концепта HUI снижен до признака *idle talk* (*too much hui and not enough doey*);

7) признак *sacred possession* в составе концепта ТИКИ утерян (*plastic tiki culture*);

8) признак *traveller, navigator* в составе концепта ТИКИ был перенесен в сферу путешествия (*tiki tour*);

9) признак *loyalty to tribe* в составе концепта WAKA был перенесен в область политических отношений и трансформирован в признак *allegiance to political party* (*waka-jumper*).

Обобщая сферы, в которые были перенесены маорийские образы, приведем их перечень: спорт, веселье, вечеринка, суэта, шум, болтовня, путешествие, политика. Как видно, среди них есть не только области, отражающие праздность человеческого бытия, но и вполне серьезные сферы, что связано, вероятно, с меняющимся отношением государства к коренному населению в последние десятилетия. Этим же можно объяснить и привлечение многих маорийских концептов к формированию концептуальных метафор в последнее время. Вывод, который напрашивается сам собой, состоит в том, что взаимовлияние концептуальных картин мира маори и пакеха уже необратимо и не только продолжается, но и усилилось в последние десятилетия.

Список литературы

Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь / Под ред. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Рус. яз., 1998. 216 с.

Рыбкина Е. А. Новая Зеландия. СПб.: КАРО, 2001. 192 с.

Facts New Zealand / Ed. by N. Chapman. Auckland: David Bateman Ltd., 2002. 279 p.

King M. The Penguin History of New Zealand. Auckland: Penguin Books, 2003. 570 p.

McArthur T. Oxford Guide to World English. N. Y.: Oxford University Press Inc., 2003. 501 p.

McLauchlan G. A Short History of New Zealand. Auckland: Penguin Books, 2004. 216 p.

Reed Dictionary of New Zealand English (The): The first Dictionary of New Zealand English and New Zealand Pronunciation: 3^d revised ed. / Ed. by H. W. Orsman. Auckland: Reed Books, 2001. 1345 p.

Reed Dictionary of New Zealand Slang (The) // All New Edition / Ed. by D. McGill. Auckland: Reed Books, 2003. 239 p.

Reed Essential Maori Dictionary (The) / Eds. R. Calman, M. Sinclair. Auckland: Reed Books, 2003. 147 p.

Reed A. W. Taonga Tuku Iho: Illustrated Encyclopedia of Traditional Maori Life. Auckland: New Holland Publishers, 2002. 208 p.

Slack D. Bullshit Backlash & Bleeding Hearts: A confused person's guide to The Great Race Row. Auckland: Penguin Books, 2004. 199 p.

Материал поступил в редколлегию 05.06.2006